

Н.И. Храпунов*

КРЫМСКАЯ МИССИЯ ЖАНА РЕЙИ

Одним из элементов политики Наполеона стала попытка вернуть утраченное влияние в Восточном Средиземноморье и Причерноморье, традиционно бывших зоной французских интересов при Старом порядке. Вошедший в состав Российской империи Крым рассматривался как плацдарм, позволявший, с одной стороны, влиять на военно-политический баланс в регионе, а с другой – строить планы торгово-экономического проникновения во внутренние губернии России и далее в Центральную Азию. В 1803 г. Крым посетил молодой французский дипломат Жан де Рейи, собравший массу разнообразной информации о полуострове, его природных богатствах, истории, населении, а также потенциале экономического развития. Этот пространственный документ, сохранившийся в архиве французского военного ведомства, впоследствии был опубликован отдельной книгой. Сочинение французского путешественника, ставшее одним из первых энциклопедических описаний Крымского полуострова, однако, осталось практически незамеченным современной историографией. В данной статье источник анализируется в трех аспектах: международная политика, начало изучения Крыма и пример создания образа этого региона, отягощенного характерными для эпохи стереотипами.

Ключевые слова: история Нового времени, французо-российские отношения, Жан Рейи, Крым, записки путешественников, историческая имагология.

12 фримера XII года Республики (4 декабря 1803 г.) министр иностранных дел Франции Шарль де Талейран писал французскому посланнику в Петербурге Габриэлю де Эдувилю, что собирается преподнести Наполеону «интересную работу граждан Рейи и Лепотра»¹. Есть основания полагать, что этим документом было подробное описание Крымского полуострова, подготовленное мо-

* Никита Игоревич Храпунов, кандидат исторических наук, сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» и Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825» № 15-31-10112.

¹ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 77: Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / Под ред. А. Трачевского. Т. 2: 1803–1804. (Далее – Сборник). СПб., 1891. С. 426.

лодым французским дипломатом Жаном Рёйи. У Талейрана и Эдувиля был резон рассчитывать на то, что составленный их подчиненным мемуар заинтересует Первого консула. Причина тому – традиционные интересы Франции в Восточном Средиземноморье и Причерноморье. Записки Рёйи освещали экономические возможности, открывшиеся перед французами в результате экспансии России на юг. Подробный отчет о природных богатствах Крыма, его населении, портах и расквартированных в регионе вооруженных силах также могли быть интересны Наполеону, в окружении которого обсуждалась возможность отвоевания полуострова у России. Планы эти, как известно, реализованы не были, а сочинение Рёйи, впоследствии вышедшее отдельной книгой, осталось практически не замеченным историографией, несмотря на то, что это – одно из первых энциклопедических описаний Крыма. Его изучение позволяет выявить некоторые особенности развития научной мысли на первом этапе исследований Северного Причерноморья, показывает, как интеллектуалы рубежа XVIII–XIX вв. пытались выработать стратегию экономического развития региона, и какую информацию получал от своих агентов Наполеон.

О личности Жана Рёйи (1780–1810) известно немного². С 1802 г. он служил во французском посольстве в Петербурге. В переписке французских дипломатов 1803–1804 гг. иногда упоминается Рёйи, которого называют секретарем посольства, часто выполнявшим функции курьера, перевоза документы между Россией и Францией³. Вернувшись на Родину, он служил аудитором, а позже докладчиком в Государственном совете, затем заместителем префекта коммуны Суассон и префектом департамента Арно. За свои заслуги был удостоен баронского титула и членства в Почётном легионе. Кроме того, Рёйи стал корреспондентом Института Франции по классу древней литературы. Успешную карьеру прервала безвременная смерть в возрасте 30 лет.

По словам самого Рёйи, в 1803 г. он отправился в поездку на юг, сопровождая герцога Армана-Эммануэля де Ришелье после назначения того градоначальником Одессы, а уже оттуда из любопытства поехал в Крым⁴. По возвращении путешественник составил про-

² См: *Beauvais de Préau Ch. Th., Barbier A.A. Biographie universelle classique, ou dictionnaire historique portatif*. P. 2: H.-R. P., 1829. P. 2542.

³ Сборник. С. 526, 565, 577, 578, 581, 586, 613.

⁴ *Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803*. P., 1806. P. xi–xii.

странную справку о полуострове, рукопись которой ныне хранится в архиве Исторической службы Министерства обороны при Департаменте сухопутных сил Франции⁵. Через три года она стала основой для книги о путешествии в Крым, посвященной Наполеону⁶. Трудно сказать, вышло ли это издание по инициативе императора, который таким образом хотел донести некую информацию до Александра I в условиях разгрома Третьей антифранцузской коалиции и известного замешательства в правящих кругах Российской империи⁷, или же Рёйи просто захотелось предать гласности результаты своего труда. Ясно, что его книгу нельзя назвать направленной против России, так как автор не раз делает реверансы Александру I.

Подозревали, что Рёйи ездил не по собственной инициативе, а выполнял конфиденциальную разведывательную миссию, в частности, зондируя настроения крымских татар на случай возможной франко-русской войны⁸. И действительно, каким бы любопытным ни был бы молодой французский дипломат, очевидно, начальство вряд ли просто так разрешило бы ему временно оставить службу и выехать в Причерноморье. С другой стороны, Ришельё был заинтересован в рекламе своих начинаний и потому имел основания покровительствовать соотечественнику. Именно из этих соображений позднее он поручил своему другу Габриэлю де Кастельно написать историю Новороссийского края⁹. Наконец, Рёйи упоминает о разговоре с Александром I после возвращения из поездки: император задал несколько вопросов о его путешествии и выразил сожаление в том, что для развития Крыма ничего не предпринималось¹⁰. Заметим, что изначально власти России довольно слабо представляли себе специфику этого региона, а потому после присоединения Крыма организовали масштабное изучение природных богатств, прошлого и настоящего новой провинции¹¹.

⁵ *Ададуров В.В.* «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007. С. 84–85, 156, 158, 244.

⁶ *Reuilly J.* Voyage en Crimée.

⁷ *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 147–156.

⁸ *Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. L., 1827. P. 196.

⁹ *Полевичикова Е.В.* Неизвестное и известное о маркизе де Кастельно // Дерибасовская – Ришельевская: одесский альманах. 2005. № 23. С. 15–26.

¹⁰ *Reuilly J.* Voyage en Crimée. P. 198–199, n. I.

¹¹ *Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В.* Открыватели земли Крымской. Симферополь, 2007. С. 71–102; *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб, 2002. С. 39–60.

А значит, они вполне могли быть заинтересованы в миссии француза, если бы рассчитывали на доступ к собранным материалам - что и произошло в результате издания книги. Любопытно, что записки Рёйи были сразу же переведены на английский язык: это свидетельствует об интересе Великобритании как к Крыму, так и к творчеству французского путешественника. Правда, переводчик сократил текст и снабдил его довольно жесткими комментариями, очевидно, отражающими дух непримиримого англо-французского соперничества¹².

Значение записок Рёйи во многом определяется тем внешнеполитическим контекстом, в котором они были написаны и опубликованы. Во второй половине XVIII в. Россия окончательно закрепилась в Северном Причерноморье: были основаны новые порты, предпринимались усилия для экономического развития региона и включения его в систему внешней торговли со средиземноморскими странами. Именно с этого времени Средиземноморье стало зоной не только политических, но и экономических интересов России¹³. А это неминуемо вело к конкуренции с другими великими державами, претендовавшими на доминирование в регионе, и в частности Францией. Издавна французы были важнейшими торговыми партнерами стран Восточного Средиземноморья, имея тесные политические связи с Османской империей. Правда, революционные события фактически поставили крест на левантской торговле Франции¹⁴.

Потенциально Крым был стратегически важным пунктом как в военном отношении, так и для организации торговой инфраструктуры. Это прекрасно понимал, например, француз Шарль де Бар, в 1798 г. издавший книгу о своем путешествии по России 1784 года. Он высоко оценил возможности Крыма как моста, который мог бы связать внутренние губернии России с европейскими державами, в частности - с Францией и ее заморскими колониями, и в то же время - плацдарма для захвата Константинопо-

¹² *Reilly J.* Travels in the Crimea and along the Shores of the Black Sea, Performed during the Year 1803. L., 1807. Нужно отметить, что не так давно отрывки из первой части записок Рёйи были опубликованы в русском переводе (*Рёйи Ж. де.* Путешествие в Крым и на берега Черного моря в 1829–1830 [sic!] годах / Пер. Г.И. Беднарчик // Литературная газета + Курьер культуры: Крым-Севастополь. № 1 (172). 15 января 2015 г. С. 2; № 2 (173). 29 января 2015 г. № 3 (174). 12 февраля 2015 г. С. 2; № 4 (175). 26 февраля 2015 г. С. 2). Остается надеяться, что Г.И. Беднарчику удастся завершить свою работу, полностью издав записки Рёйи на русском языке. Это привлечет к ним внимание не только исследователей, но и всех интересующихся историей Крыма.

¹³ *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 23–41.

¹⁴ Там же. С. 44–45. См. также: *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 2010. С. 50–51.

ля, если бы Россия пожелала таковой предпринять¹⁵. Выгоды от торговли с Россией через черноморские порты отмечали авторы не только опубликованных сочинений, но и поданных во французское Министерство иностранных дел докладных записок¹⁶. По-видимому, их доводы показались убедительными, и в 1787 г. Франция и Россия заключили торговый договор, где, помимо прочего, оговаривались льготные условия для французской коммерции в южных портах. Впрочем, подписанное соглашение так и не было реализовано из-за начавшейся в том же году русско-турецкой войны, а два года спустя - Революции¹⁷.

Наполеон рассматривал отношения с Россией в Черноморском регионе, прежде всего, с точки зрения военно-стратегической, а не экономической. Примерно также он повел себя и в Восточном Средиземноморье, перейдя от политики косвенного контроля над регионом через развитие торговли и покровительство Османской империи к прямым завоеваниям. Одновременно французы попытались если не вытеснить, то, по крайней мере, потеснить Россию в Причерноморье¹⁸. Накануне «русской кампании» 1812 года в окружении Наполеона обсуждался проект создания на границах России барьера из зависимых от Франции стран. Среди них должно было быть возрожденное крымскотатарское государство, в одной из версий объединенное с запорожскими казаками под именем «Наполеонида»¹⁹. Правда, к практической реализации этих проектов так и не приступили. Это может говорить о том, что Наполеон не имел определенных планов в отношении Крыма и был готов использовать его как разменную монету в большой политической игре. Но, в любом случае, он был заинтересован в информации о регионе, который за полвека до того считался едва ли не наименее известным местом в Европе²⁰.

Претендовали на Крым и османы. Хотя Высокая Порта и признала его частью России, заключив с ней сначала мирный (1792), а потом и союзный договоры (1799), однако противоречия между

¹⁵ Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь, 2015. Вып. 20. С. 399, 409, 411–413.

¹⁶ Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2-е изд. М., 2004. С. 273–279.

¹⁷ Там же. С. 282–302.

¹⁸ Станиславская А.М. Указ. соч. С. 83–87, 204, 252, 261, 430.

¹⁹ Ададуров В.В. Указ. соч. С. 286–287, 290–291, 500–501, 508; Сокольников М. «Исполнено по высочайшему повелению...». Минск, 2003. С. 81–82.

²⁰ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 121–122.

державами никуда не исчезли. Ими попыталась воспользоваться Франция, заключив с турками антирусский союз. Французская дипломатия сыграла большую роль в подталкивании Турции к войне с Россией 1806–1812 гг. В феврале 1807 г. на неудачных переговорах о заключении союза с Османской империей Франция обещала туркам помощь в отвоевании Крыма, не исключая и прямой военной интервенции²¹. Очевидно, французские дипломаты считали, что эта уступка будет важным аргументом для потенциальных союзников.

Вернуть туркам Крым готовы были и традиционные противники французов - британцы. Знаменитый Эдвард-Даньел Кларк, автор чрезвычайно популярных «Путешествий», предлагал одной из европейских держав силой «вернуть» полуостров под власть османов. Любопытно, что в поддержку этого решения он приводил аргументы из области не международной политики, но морали: нужно было спасти крымских татар от тирании российских властей²². Эта мысль надолго удержалась в сознании соотечественников Кларка. Так, накануне Крымской войны 1853–1856 гг. будущий премьер-министр Великобритании Генри Палмерстон говорил о необходимости расчленения России, причем среди регионов, которые он собирался отобрать у царя, был и Крым²³.

Какими бы ни были причины путешествия Рёйи, его поездка по Крыму проходила в крайне сложной политической обстановке. Любопытно, что, размышляя о судьбах Крыма, Рёйи, как будет показано ниже, следовал скорее традициям Старого порядка, полагая перспективными, прежде всего, меры по развитию экономики полуострова и его включению в систему международной торговли.

В отличие от большинства травелогов, «крымские записки» Рёйи построены не по дневниковому, а по аналитическому принципу. В первой части книги описана физическая география Крыма. Во второй – «политическое состояние» полуострова, то есть рассказ о его исторической географии, археологических памятниках, современных городах, этнографическое описание разных групп крымских татар, сведения о предпринятых российским правитель-

²¹ Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 17, 56–58. См. также: Станиславская А.М. Указ. соч. С. 430–444.

²² Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. L., 1817. P. 268–270. Не вполне понятно, пришел ли Кларк к этому выводу непосредственно во время пребывания в Крыму в 1800 г. или же позже, при подготовке своих путевых записок к изданию (первая публикация состоялась в 1810 г.).

²³ История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 376.

ством мерах по интеграции региона, его администрации и текущем экономическом состоянии, находящихся там армейских подразделений, возможностях для экономического развития, и наконец, информация о городе Севастополе. Эпизоды собственного путешествия в Крым автор лишь изредка приводит для иллюстрации того или иного аспекта крымской жизни. В приложениях опубликованы изображения монет, коллекция которых была собрана Рёйи в Крыму, маршрут путешествия по достопримечательностям полуострова, составленный по просьбе автора знаменитым естествоиспытателем П.-С. Палласом (1741–1811), и написанные самим Рёйи очерки торговли и основных портов в Северном Причерноморье²⁴.

Помимо личных наблюдений, важнейшим источником своих сведений о Крыме Рёйи назвал энциклопедическое описание полуострова Палласом²⁵. По словам Рёйи, немецкий ученый многое сообщил ему в личных беседах и даже правил его рукопись²⁶. Паллас сыграл особую роль в судьбе француза. Ученый в то время жил в вынужденной ссылке в Крыму, сочетая научные занятия с обустройством государственного винодельческого училища в Судаке и собственных поместий на полуострове²⁷. Он с огромной теплотой относился к приезжавшим в Крым путешественникам. Так, Кларка он поселил в своем доме в Симферополе, выходил тяжело заболевшего англичанина, сопровождал его в поездках по Крыму и даже подарил ему часть своих коллекций²⁸. Не стал исключением и Рёйи, причем полученные им от Палласа ценные сведения не ограничивались исключительно Крымом. За время путешествия по Сибири академик собирал сведения о Тибете, опрашивая забайкальских лам. Впоследствии этим материалы были изданы в виде отдельной статьи²⁹. Рейи

²⁴ *Reuilly J. Voyage en Crimée.*

²⁵ *Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig, 1801. Русск. Пер.: Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.*

²⁶ *Reuilly J. Voyage en Crimée. P. i–iv.*

²⁷ *Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М., 2014. С. 233–275.*

²⁸ *Clarke E.D. Op. cit. P. 160–164.*

²⁹ *Pallas P.S. Nachrichten von Tybet, aus Erzählungen tangutischer Lamen unter den Selengiskischen Mongolen // Neue Nordische Beytrage zur physikalischen und geographischen Erd- und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. I. Sankt Petersburg; Leipzig, 1781. S. 201–222. Русск. пер.: Паллас П.С. Известия о королевстве Тибетском, собранные большею частью от монгольцев, живущих в окружностях Селенгинска // Месяцеслов исторический и географический на 1782 г. СПб., 1782. С. 105–137.*

получил это сочинение в Крыму у Палласа и перевел его с немецкого на французский язык³⁰.

Рёйи изучал и другие сочинения, содержавшие сведения о Крыме. На страницах его «Путешествия» можно встретить отсылки к работам Клода-Шарля де Пейссоннеля³¹, Иоганна-Эриха Тунманна³², Станислава Сестренцевича–Богуша³³ и Луи Лангле³⁴. Общие сведения об античности Рёйи черпал у Жан-Жака Бартеlemi³⁵ и Эдварда Гиббона³⁶, о средневековых тюркоязычных кочевниках – у Жозефа Дегиня³⁷. Все эти работы относились к числу «научных бестселлеров» своего времени.

Важное место в книге француза занимают история и археология Крыма. Нам его рассуждения интересны, с одной стороны, как характерный пример научного мышления на рубеже между Просвещением и Романтизмом, а также как одно из первых исследований прошлого Крыма. Рёйи составил довольно подробный очерк истории полуострова, основываясь на книгах Сестренцевича³⁸ и Лангле³⁹, рассказал о его исторической географии и основных археологических памятниках по трудам Тунманна и Палласа⁴⁰. Некоторые историко-археологические данные попали и в рассказ о современных автору городах Крыма. В частности, говоря о Бахчисарае, Рёйи вспомнил свою поездку в близлежащую средневековую крепость Чуфут-Кале, к тому времени на-

³⁰ [Pallas P.S.] Description du Tibet, d'après la relation des Lamas Tangoutes, établis parmi les Mongols / Tr. d'alemand par J. Reuilly. P., 1808. P. XI–XII.

³¹ Peyssonnel [Cl. Ch.] de. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine. P., 1765; *Пейссоннель III. де.* Записка о Малой Татарии. Днепропетровск, 2009.

³² Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство. Симферополь, 1991.

³³ Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. T. 1–2. Brunswick, 1800.

³⁴ Langlès L. Notice chronologique des khans de Crimée // Foster G. Voyage du Bengale à Pétersburg. T. 3. P., 1802. P. 327–482.

³⁵ Бартеlemi Ж.Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции, в половине четвертого века до Рождества Христова. Т. 1–9. М., 1803–1819.

³⁶ Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. М., 2001.

³⁷ Deguignes [J.] Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux. T. 1–4. P., 1756–1758.

³⁸ По справедливому замечанию А. Л. Бертъе-Делагарда, сочинение Сестренцевича «долго служило и служит еще и до сих пор обычным источником всевозможного баснословия по истории Крыма» (*Бертъе-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму // Записки Императорского одесского общества истории и древностей. 1910. Т. 28. С. 5–6). Рёйи, конечно, не мог этого знать, но должен был оценить, что книга Сестренцевича написана на французском языке.

³⁹ Reuilly J. Voyage en Crimée. P. 71–106.

⁴⁰ Ibid. P. 107–124.

селенную одними караимами, и посещение караимского кладбища под стенами города, в Иосафатовой долине. Здесь «раввин» (то есть *гахам* – глава караимской общины) показал ему древнейшую могилу, на которой стояла цифра 5204, «что соответствует 1445 году нашей эры»⁴¹. Свидетельство Рёйи важно для ведущейся уже полтора столетия дискуссии. В национальной караимской историографии фигурируют надгробия с датами, относящимися к первому тысячелетию н. э., свидетельствующие о долгой истории крымских караимов. По мнению же большинства современных исследователей, эти даты подделаны во второй половине XIX в.⁴² Из слов Рёйи следует, что в 1803 г. глава караимской общины полагал, что на некрополе нет памятников древнее середины XV в.

Наконец, француз собрал небольшую коллекцию монет, среди которых были античные, выпущенные в Херсонесе, на Боспоре и в Ольвии, а также средневековые, чеканки Херсонеса, генуэзской Кафы, Крымского ханства и Молдавского княжества⁴³. Монеты идентифицировали его коллеги по Институту Франции, сотрудники Императорской библиотеки – хранитель «медалей» (т.е. монет), специалист по античной нумизматике Миллен и хранитель восточных рукописей Лангле, автор использованной Рёйи хронологической справки о крымских ханах. Очевидно, сам Рёйи не обладал достаточной компетенцией в этом вопросе. В его собрание попала и найденная в Керчи античная сердоликовая гемма с изображением жертвоприношения быка в храме⁴⁴. Дальнейшая судьба этих находок неизвестна.

Сегодня взгляды Рёйи на историю могут показаться наивными, хотя и характерными для эпохи, когда еще не существовало, например, исторической лингвистики. Так, он считает этноним киммерийцев другим названием кимвров и кельтов⁴⁵, основываясь во многом на простом созвучии, как, впрочем, и другие его современники⁴⁶. Однако иногда его замечания не лишены резона.

⁴¹ Ibid. P. 133, n. I. Собеседник француза ошибся – иудаистская эра началась в 3761/60 г. до н. э., т. е. указанная на памятнике дата в пересчете даст 1443/44 н. э.

⁴² См. подробнее: Федорчук А. Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евроазиатский еврейский ежегодник 5768 (2007/2008). М., 2008. С. 212–227.

⁴³ Reuilly J. Voyage en Crimée. P. 215–231, et pl. 1–2.

⁴⁴ Ibid. P. 231–232, et pl. 3.

⁴⁵ Ibid. P. 73.

⁴⁶ Ср: *Sestrencewicz de Bohusz S.* Op. cit. T. 1, p. 102–115; *Guthrie M.* A Tour, Performed in the Years 1795–6, through the Taurida, or Crimea. L., 1802. P. 195.

Так, вслед за Палласом Рёйи пишет о необходимости начать раскопки в Херсонесе⁴⁷. Локализация древнего города в конце XVIII в. еще не была точно установлена, и по этому поводу бытовали самые разные мнения⁴⁸. Некоторые современники Рёйи, точно определив положение Херсонеса на юго-западе Крыма, полагали, что он занимал все пространство нынешнего Гераклейского полуострова, а разбросанные по этой территории руины считали остатками городских построек⁴⁹. В реальности Гераклейский полуостров был лишь хорой, то есть сельской территорией Херсонеса, а упомянутые постройки – сельскими усадьбами и остатками агротехнических и оборонительных сооружений. Одним из первых Рёйи указал, что находившиеся на хоре «стены окружали сады жителей [Херсонеса] и их загородные дома»⁵⁰.

На воззрения Рёйи сильное влияние оказали идеи Монтескье, что сближает его сочинение с другим фундаментальным описанием Крыма, составленным современником Рёйи, шотландцем Маттью Гатри⁵¹. Подобно многим другим, Рёйи рассматривал Европу и Азию как противоположности, между которыми идет вечная борьба, и считал, что Крым находится на рубеже между этими мирами: «На протяжении более 2300 лет Дон составлял обычные границы Европы с Азией. [...] Народы Востока, став слишком многочисленными и слишком беспечными, и потому неспособными умножить количество продуктов, нужных им для собственного содержания, один за другим отправлялись на Запад в поисках но-

⁴⁷ *Reuilly J. Voyage en Crimée*. P. 123; Паллас П. С. Указ. соч. С. 47–48.

⁴⁸ Храпунов Н.И. Как Херсонес стал центром русского православия // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь, 2016. Вып. 21. С. 323–326.

⁴⁹ Тунманн И.-Э. Указ. соч. С. 29–30; [Габлиц К.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних времен писателей, с тремя картами. СПб., 1803. С. 11; [Габлиц К.] Изъяснение плана развалин древнего Херсона // *Отечественные записки*. 1822. № 22: февраль. С. 158–159.

⁵⁰ *Reuilly J. Voyage en Crimée*. P. 122. Показательны различия с соответствующими рассуждениями Палласа (Указ. соч. С. 40–49), который, в частности, не совсем правильно интерпретировал слова Страбона о Херсонесе. Фразу античного географа о «городе гераклейцев, их колонии на Понте, также именуемом Херсонесом» («πόλις Ἡρακλειωτῶν ἄποικος τῶν ἐν τῷ Πόντῳ, αὐτὸ τοῦτο καλουμένην Χερρόνησος» – *Strabo. Geographica* / ed. A. Meineke. Leipzig, 1877. P. 423) немецкий естествоиспытатель понял в том смысле, что здесь речь идет о полуострове, образующем юго-западную оконечность Крыма (*Pallas P.S. Bemerkungen*, 1801, S. 55. Ср: Паллас П.С. Указ. соч. С. 40). Кстати, отсюда, по-видимому, и возник современный топоним «Гераклейский полуостров».

⁵¹ *Guthrie M. Op. cit.*. Подробнее см.: Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 163.

вых мест для расселения»⁵². Поэтому Рёйи с удовольствием цитирует Монтескье, заметившего, что покидать бедную страну в поисках лучшей – вполне естественно⁵³.

Европа для Рёйи – место, наиболее удобное для жизни. Восток же является воплощением отрицательных качеств: жестокости, склонности к грабежу, лености, неспособности к созиданию и одновременно легкой податливости внешним воздействиям. Размышления Рёйи – пример характерного для европейцев «ориентализирующего мышления», основанного на онтологическом противопоставлении Востока и Запада, Европы и Азии, причем «негативный» образ Востока помогал европейцам осознать собственную культуру⁵⁴. Историю Крыма француз видел как противостояние двух начал: творческого западного, приносившего цивилизацию, технологии, торговлю, и разрушительного, воинственного восточного. Воплощением первого были древние греки и средневековые генуэзцы, второго – скифы и татары. Последние, кажется, были для него стереотипными «варварами»⁵⁵. Это близко идеям Монтескье о благе умеренного климата и о разлагающем воздействии южного тепла⁵⁶. По-видимому, Рёйи воспринимал «Восток» как некое единство, неизменное не только во времени, но и пространстве. Потому, описывая нравы крымских татар, он заметил, что дополнительные подробности о характере восточных жителей можно отыскать в знаменитом сочинении Вольнея о его путешествии на Ближний Восток, то есть совершенно в другие страны и к другим народам⁵⁷. Наблюдения убедили Рёйи в том, что свой жестокий нрав татары проявляли лишь в отношении тех народов, которых считали врагами. Внутри же своего общества они отличались «чистосердечием, бескорыстием, гостеприимностью, щедростью, которые сделали бы честь людям более цивилизованным». Это вполне соответствовало теоретическим рассуждениям Монтескье⁵⁸.

Монтескье свойственен «географический детерминизм», согласно которому развитие культуры и общества определяется при-

⁵² *Reuilly J. Voyage en Crimée*. P. 71–72.

⁵³ *Ibid.* P. 152; *Монтескье Ш.Л.* Указ. соч. С. 241–242.

⁵⁴ См: *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006.

⁵⁵ *Reuilly J. Voyage en Crimée*. P. 71–106.

⁵⁶ *Монтескье Ш.Л.* Указ. соч. С. 198–200.

⁵⁷ *Reuilly J. Voyage en Crimée*. P. 159, n. I; ср: [*Вольней К.-Ф.*] Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах. Ч. 1–2. М., 1791–1793.

⁵⁸ *Reuilly J. Voyage en Crimée*. P. 155. Ср: *Монтескье Ш.Л.* Указ. соч. С. 249.

родной средой – достаточно вспомнить его знаменитую фразу о «власти климата, которая сильнее всех иных властей»⁵⁹. Однако, по мнению Рёйи, характер крымских татар зависел больше от образа правления, чем от географических условий, в которых они находились. Потому, захватив Крым с его куда более мягким климатом, они сохранили обычаи, возникшие на их прародине в «северной Сибири». Но стоило российскому правительству отнять у них оружие, как из грозной силы, опустошавшей Россию и Польшу, они превратились в мирных подданных, которые вскоре забудут о грозных деяниях своих предков⁶⁰.

Говоря о современности, Рёйи точно осознал и сформулировал проблемы, стоявшие перед российским правительством: «С тех пор как Россия овладела Крымом, она внесла множество изменений в его устройство, чтобы сделать его более похожим на другие части империи. Тщетно пыталась она завоевать любовь своих новых подданных, уважая их верования, их мечети и позволив им самим выбирать себе судей. Желая создать земледельческий народ из народа воинственного и беспокойного, ей следовало бы менять его нравы после того, как она изменила бы их законы: но она столкнулась с сильным сопротивлением, как и следовало быть, когда империя меняет обычаи своих народов. Значительная часть татар эмигрировала, а те, что остались, сделают это при первой же возможности. Это случится в ближайшее время: ведь подчиненная нация, нравы и религия которой слишком отличаются от свойственных господствующей нации, оказывается притесняемой и угнетаемой ее правителями, даже если те и не думают вводить тиранические порядки»⁶¹. Рёйи ссылается здесь на теоретическое умозаключение Монтескье, который полагал, что завоевателям необходимо сохранять не только законы, но в еще большей степени обычаи побежденных, которые те склонны ревностно защищать⁶².

Согласно Рёйи, крымские татары избрали пассивную форму сопротивления новой власти, массово выезжая в Османскую империю. Проблема численности населения Крыма и ее изменения в первые десятилетия российской власти крайне сложна для изучения в связи с фрагментарностью источников⁶³. В любом случае,

⁵⁹ Монтескье Ш.Л. Указ. соч. С. 265.

⁶⁰ Reuilly J. Voyage en Crimée. P. 155–156.

⁶¹ Ibid. P. 176–178.

⁶² Монтескье Ш.Л. Указ. соч. С. 129.

⁶³ См: Маркевич А.И. Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением на-

потери населения в результате смут в последние годы Крымского ханства, вывода из Крыма христиан, а также начавшейся впоследствии эмиграции крымских татар привели к негативным последствиям. Характерны слова будущего шефа жандармов Александра Бенкендорфа, посетившего Крым в том же году, что и Рёйи: «Вечным позором для завоевателей и для царствования Екатерины будет то, что эта прекрасная область, когда-то житница Константинополя и всей малой Азии, покрытая городами с цветущими садами и питавшая более миллиона трудолюбивых жителей, была превращена в пустыню. Весь Крым сделался безлюдным»⁶⁴.

Если одной из целей Рёйи, действительно, было прозондировать настроения крымских татар на случай франко-русского конфликта, то кульминацией его повествования становится рассказ о встрече с представителями татарской элиты - предводителем дворянства Феодосийского уезда Атай-мурзой Ширинским и главой мусульманского духовенства Крыма муфтием Сеит-Мегметом эфенди⁶⁵. Данный отрывок намеренно допускает разные толкования. Очевидно, Рёйи, готовя рукопись к печати, опасался повредить своим собеседникам. Кроме того, отношения России и Франции менялись, иногда совершенно неожиданно, и дипломату нужно было думать о возможной реакции русских на его книгу. По словам путешественника, его собеседники пострадали от действий российских властей, в результате которых лишились доходов и имущества. Когда же речь зашла о Наполеоне, Атай-мурза выразил восхищение его деяниями и даже говорил о своем желании посетить Париж. Он также заметил, что, узнав о Египетской кампании Наполеона, подумал было, что Бонапарт захочет восстановить Польшу и для этого высадится на берегах Черного моря, но ошибся в своих предположениях. По мнению Атай-мурзы, в ближайшие годы следовало ждать большой войны в Европе. Наконец, собеседник француза выразил надежду на то, что Александр I «восстановит справедливость», поколебленную правлением его отца⁶⁶. Сомнительно, правда, что почтенный глава чрезвычайно влиятельного в Крыму клана Ширинов так уж

селения в Крыму // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 1928. С. 377–389; Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. С. 104–106, 199–203.

⁶⁴ Бенкендорф А.Х. Мое путешествие в земли полуденной волшебные края / пер. М. Сидорова // Наше наследие. 2004. № 72. С. 109.

⁶⁵ О них: Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011. С. 180, 191, 224.

⁶⁶ Reuilly J. Voyage en Crimée. P. 163–171.

хорошо разбирался в перипетиях внешней политики⁶⁷. Скорее, Рёйи подверг результаты беседы основательной литературной обработке. Весь этот отрывок, в зависимости от ситуации, можно было понять и так, что татары возлагают надежды на вторжение Наполеона, и так, что они, несмотря на страдания при Павле I, надеются на перемены в своей судьбе в царствование Александра I.

Нужно сказать, что вопрос о потенциальной лояльности крымских татар в случае войны с Османской империей или Францией, волновал и русское правительство. Не случайно в 1807 г. следующему муфтию Сеид-Муртазе эфенди было поручено тайно разузнать о настроениях его соплеменников. В целом, политика российских властей в отношении крымских татар во время вооруженных конфликтов 1806–1814 гг. отличалась известной двойственностью, свидетельствующей о неполном доверии к этой группе подданных. С одной стороны, из крымских татар формировались национальные подразделения, с них собирались пожертвования на войну с Наполеоном, с другой – многих из них переселили с побережья, уязвимого для вражеских десантов, дабы лишить потенциального противника возможной поддержки со стороны местного населения. В большинстве случаев как отправившиеся в поход за пределы полуострова, так и оставшиеся дома крымские татары не давали оснований усомниться в своей лояльности. Но были и акции неповиновения, крупнейшая из которых случилась в 1813 г., когда жители двух уездов отказались давать рекрутов по новому набору. Впрочем, бунт этот был довольно быстро подавлен, а с его участниками обошлись мягко⁶⁸. Из этого следует, что Рёйи поступил весьма осмотрительно, избегая прямых оценок в вопросе о лояльности крымского населения.

О перспективах экономического развития Крыма путешественник говорил куда конкретнее, чем о политических вопросах. Рёйи понимал прогресс как развитие производства и торговли, и именно способность государства к экономическому развитию полагал важнейшим показателем цивилизованности. Он считал, что превосходные природно-географические характеристики Крыма позволяли развивать здесь интенсивное хозяйство. Но перспективы развития Крыма зависели не только от возможных правительственных мер, но и от наличного населения. «Нравы татар, – писал француз, – [людей]

⁶⁷ Это заметил уже переводчик записок Рёйи на английский язык (*Reuilly J. Travels*. P. 60, note).

⁶⁸ *Маркевич А.И.* Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 49. С. 1–100.

восточных, совершенно отличаются от наших»⁶⁹. По мнению Рёйи, крымским татарам исторически свойственна леность *par excellence*: «Лишь дух грабителей и завоевателей может оторвать татар от их природной склонности к безделью»⁷⁰. Хозяйственного прогресса Крым добивался лишь тогда, когда здесь появлялись колонисты с Запада – эллины, а потом генуэзцы, развивавшие торговлю, в том числе с дальними странами, тогда как после перехода Крымского ханства под патронат Османской империи черноморская торговля для европейцев была закрыта⁷¹. Если греки и генуэзцы ввели и развивали в Крыму культуру виноградарства, то у крымских татар она пришла в упадок⁷². Деградировало и ремесло: «Крым потерял почти все свое производство с тех пор как эмигрировали армяне и греки», и, хотя среди крымских татар еще сохранились немногие виды ремесла, оно обслуживало только их собственные нужды⁷³. Француз имеет в виду события 1778 г., когда по инициативе российского правительства христианское население покинуло Крымское ханство⁷⁴.

Мысль о праздности и безынициативности крымских татар, в особенности жителей плодородного южного берега с его пышной средиземноморской природой, встречается у многих западноевропейских и российских авторов⁷⁵. Пожалуй, в наибольшей степени его выразил молодой великий князь, будущий император Николай I, во время поездки на юг в 1816 г.: «Нет беднее и ленивее сих южных татар <...> Они живут можно сказать совершенно на произвол природы, которая здесь правда чрезмерно щедра <...> Если б Крым был не в татарских руках, то б был совсем другим; там где помещики и переселенцы русские или малороссийские, то все иначе, и хлеб есть, и обширные сады...»⁷⁶.

⁶⁹ Reuilly J. Voyage en Crimée. P. 159.

⁷⁰ Ibid. P. 157. См. также: P. 146, 157, 178, 185.

⁷¹ Ibid. P. 75, 87–88, 93.

⁷² Ibid. P. 186–188. Эта мысль навеяна, конечно, соответствующими словами Палласа (Указ. соч. С. 169–170, 178).

⁷³ Ibid. P. 188–189.

⁷⁴ См: Григорьев С.И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А. В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб., 2015. С. 296–392.

⁷⁵ Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальгазара фон Кампенгаузена // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2013. Вып. 18. С. 466–467.

⁷⁶ Корф М. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796–1817 гг.) // Сборник Русского исторического общества. 1896. Т. 98. С. 95.

По-видимому, это мнение не столько отражало объективные обстоятельства⁷⁷, сколько объяснялось стереотипами восприятия иных культур. Монтескье считал леность свойством южных народов, живущих в окружении щедро плодоносящей природы, в отличие от вынужденно трудолюбивых северян⁷⁸. Ж.-Ж. Руссо писал о «естественном человеке» – счастливым, неиспорченным цивилизацией дикаре, который якобы вел привольную жизнь на лоне природы, довольствуясь минимумом материальных благ⁷⁹. Леность таким образом служила универсальным маркером «Другого». Европейские интеллектуалы приписывали ее жителям азиатского Востока⁸⁰. Эту концепцию могли перенести и на «окраины цивилизации» – в Южную и Восточную Европу, примеряя роль «благородных дикарей» на жителей Греции⁸¹. В полном соответствии с мыслью Монтескье, французы Наполеоновской эпохи считали, что плодородие почв и мягкость климата позволяла жителям Малороссии быть беспечными лентяями⁸². Представление о лености как показатели нецивилизованности и экзотики было усвоено русской культурой. Подобно западноевропейцам, некоторые русские путешественники в Греции XIX в. считали греков «ленивыми», поскольку те предпочитали торговлю занятию земледелием⁸³. Нетрудно обнаружить здесь сходство между описаниями праздных жителей Крыма, и тем, как русские путешественники говорили о населении украинского Поднепровья⁸⁴. Иначе говоря, подобные умозаключения в большинстве своем объяснялись стереотипами.

Безделье и отсутствие необходимости трудиться казалось важным свойством земного рая, который многие путешественники находили на южном берегу Крыма⁸⁵. Интересно, что этот стерео-

⁷⁷ Реальные примеры ленивого поведения крымских татар встречаются в достоверных источниках. Так, их непосредственной свидетельницей была англичанка Мэри Хоулдернес, проживавшая в Крыму в 1816–1820 гг. См.: *Holderness M.* Op. cit. P. 270–275, 302–303.

⁷⁸ *Монтескье Ш.Л.* Указ. соч. С. 202–203, 295–296.

⁷⁹ *Клейн Л.[С.]* История антропологических учений. СПб., 2017. С. 93.

⁸⁰ *Санд Э.В.* Указ. соч. С. 280, 391.

⁸¹ *Eisner R.* Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor, 1993. P. 77–78.

⁸² *Ададуров В.В.* Указ. соч. С. 178–181

⁸³ *Яницы Ф.* Греческий мир в конце XVIII – начале XX в. по российским источникам (к вопросу об изучении самосознания греков). СПб., 2005. С. 87–88.

⁸⁴ *Толочко А.[П.]* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012. С. 102–109.

⁸⁵ *Храпунов Н.И.* Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 61–62.

тип отчасти противоречил результатам собственных наблюдений Рёйи: однажды во время прогулки в обществе Атай-мурзы тот «указал мне на множество красивых деревьев, добавив: “Говорят, что татары не сажают садов, но разве эти вот деревья посадили русские?”»⁸⁶. На практике эта «лень» означала, вероятно, нежелание местного населения воспринимать передовые аграрные технологии и заводить интенсивное товарное хозяйство, ориентированное на рынок. Практические соображения, как, например, неразвитость дорожной сети, портов и прочей инфраструктуры, высокие таможенные пошлины или дорогой кредит в данном случае, разумеется, игнорировались. Зато данный стереотип мог привести наблюдателей к мысли о необходимости иностранной колонизации Крыма. В 1786 г. англичанка Элизабет Крейвен мечтала о размещении на полуострове английских колоний⁸⁷. Паллас же предлагал выселить недостаточно трудолюбивых крымских татар из плодородных долин южного и юго-западного Крыма, заменив их более искусными колонистами⁸⁸. По-видимому, академик считал подобную методику универсальной. Несколько ранее он предлагал таким же способом решить проблемы французской колонии Французен-Россоши на Волге. Интересно, что там действительно провели аттестацию, и «неспособные к земледелию» французы были выселены в другие места⁸⁹.

Рёйи предложил вниманию читателя комплекс мер, которые, по его мнению, смогли бы «привести Крым в то великолепное состояние, которого он заслуживает благодаря своему положению, климату и характеру почвы». Среди них – учреждение порта, наделенного правом беспошлинной торговли, привлечение на жительство туда купцов и иностранных колонистов, переселение в Крым российских подданных из других регионов страны, введение новых сельскохозяйственных культур – хлопка и кукурузы, расширение посадок тутовых деревьев, марены и шафрана, развитие виноделия, хлебопашества, рыболовства, разведение овец испанских и болгарских шерстяных пород и создание мануфактур для переработки шерсти, принятие законов, ограничивающих

⁸⁶ *Reutilly J.* Voyage en Crimée. P. 167, n. I.

⁸⁷ *Craven E.* A Journey through the Crimea to Constantinople... L., 1789. P. 188–189.

⁸⁸ *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 148–149.

⁸⁹ *Ржеуцкий В.С.* Французы на русских дорогах: иммиграционная полика Екатерины II и формирование французских землячеств в России // Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 242.

уничтожение леса, дабы иметь материалы для кораблестроения, нужного для торговли⁹⁰.

Торговле француз отводил особую роль. По его мнению, Крым, благодаря своему выгодному положению, мог стать мостом на торговом пути, который связал бы Францию и ее заморские колонии с внутренними губерниями России вплоть до самой Сибири. Центром торговли с европейскими странами Рёйи предлагал сделать Феодосию. Для этого французам предстояло учредить в Причерноморье склады для экспортных и импортных товаров, используя испанские порты как перевалочные базы для своих колониальных продуктов. К числу проблем, мешающих реализации его проекта, Рёйи относил наличие посредников в торговле, отсутствие надлежащей инфраструктуры, препятствия, чинимые англичанами, высокие таможенные пошлины на импорт в России, отсутствие страхования торговли, нестабильность курса рубля, трудности пути к черноморским портам, нехватку торгового капитала и высокие процентные ставки по кредитам⁹¹.

Идеи Рёйи относительно развития в Крыму сельскохозяйственного и мануфактурного производства, а также о мешающих этому факторах, во многом заимствованы у Палласа. Иногда француз просто пересказывал мысли немецкого ученого⁹². Но когда речь заходит о развитии торговли, Рёйи рассуждал уже совсем не так, как Паллас, а в традиции французской мысли XVIII в., ориентированной не столько на завоевание новых земель, сколько на торговую экспансию в другие страны⁹³. Заметим, что предлагаемая им идея превратить Крым в «торговый плацдарм», важный элемент в цепочке евроазиатской торговли, не была такой уж оригинальной. Интерес к торговле с внутренними губерниями России и транзиту в страны Центральной Азии с использованием водных путей был присущ европейской мысли эпохи Просвещения в целом⁹⁴.

В начале XIX в. перспективы черноморской торговли широко освещались во Франции авторами опубликованных трактатов, на

⁹⁰ *Reuilly J. Voyage en Crimée*. P. 195–198.

⁹¹ *Ibid.* P. 198, 253–255.

⁹² Ср: *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 155–156.

⁹³ *Строев А.* «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 60–61. Ср. *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 206–207.

⁹⁴ *Кросби-Арнольд М.* Была ли война 1812 года связана с экономикой? О причинах похода Наполеона на Россию // Французский ежегодник 2013. М., 2013. С. 43–47.

страницах прессы и в поданных правительству экспертных заключениях⁹⁵. В 1802 г. по инициативе Наполеона Франция и Россия договорились о взаимной торговле на Черном море. В портовых городах юга России появились французские дипломатические представители. Однако развитию торговли препятствовали самые разные обстоятельства⁹⁶. Любопытно, что меры, предпринятые Россией в начале XIX в. для оживления черноморской торговли, напоминали идеи, высказанные французским путешественником. Правда, торговля эта шла главным образом через некрымские порты, прежде всего Одессу, а дальнейшему развитию коммерции помешали русско-турецкая война 1806–1812 гг. и ухудшение отношений с Францией⁹⁷. Таким образом, предложения Рёйи по развитию черноморской торговли были не только злободневными, но и перспективными. Очевидно, сказался тот факт, что автор лично побывал в Крыму и мог судить не только по книгам, но и по собственному опыту.

Не раз отмечалось, что французы смотрели на другие культуры, и русскую в том числе, с позиции национального превосходства⁹⁸. Как заметил знаменитый деятель немецкого Просвещения Мельхиор Гримм, «Франция пребывала в счастливой уверенности, что всё, не зовущееся гордым именем “француз”, жует солому и разгуливает на четырех лапах»⁹⁹. В этом отношении Рёйи был приятным исключением. Его взгляды, как мы видели, не избежали влияния популярных стереотипов, но в целом записки Рёйи достаточно непредвзято оценивают Крым, а с его общими выводами о сути стоявших перед российскими властями проблем трудно не согласиться и нынешним исследователям. Быть может, причиной такой объективности был личный опыт французского дипломата, видевшего Россию и Крым собственными глазами.

Таким образом, сочинение Рёйи является крайне любопытным источником, характеризующим размышления французского интеллектуала начала XIX в. о Крыме, его истории, настоящем и будущем, и потому заслуживает всестороннего изучения. Сохра-

⁹⁵ Ададуров В.В. Указ. соч. С. 232–248; Кросби-Арнольд М. Указ. соч. С. 59; Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Прусская Е.А., «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII – начала XIX в. // Французский ежегодник 2015. М., 2015. С. 363.

⁹⁶ Ададуров В.В. Указ. соч. С. 365–375.

⁹⁷ Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970. С. 332–337.

⁹⁸ Строев А. Россия глазами французов XVII – начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 8–41.

⁹⁹ Цит. по: Каррер д'Анкосс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. О. Павловская. М., 2005. С. 11.

нилось письмо к Рёйи, подписанное Пьером-Шарлем Левеком, знаменитым ученым, автором нескольких книг по истории и этнографии России. Мэтр Левек высоко оценил сочинение Рёйи, назвав его «превосходной главой в истории мира и истории человека», заметив, однако, при этом, что обществу крымская тематика не интересна, а потому у Рёйи будет меньше читателей, чем он того заслуживает¹⁰⁰. К сожалению, уважаемый историк оказался прав: сочинение его коллеги не оценили по достоинству не только современники, но и следующие поколения исследователей.

Список литературы

- Ададуров В.В.* «Наполеонида» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів: УКУ, 2007 [Adadurov V.V. «Napoleonida» na skhodi Evropi: uivlennia, proekti ta diial'nist' uriadu Frantsii shchodo pivdenno-zakhidnikh okraïn Rosiis'koï imperii na pochatku XIX stolittia. L'viv: UKU, 2007].
- Бартеlemi Ж.Ж.* Путешествие младшего Анахарсиса по Греции, в половине четвертого века до Рождества Христова. Т. 1–9 / пер. П. Страхов. М.: Университетская типография у Любия, Гария и Попова, 1803–1819 [Barthélemy J.J. Puteshestvie mladshogo Anakharsisa po Gretsii, v polovine chetvertogo veka do Rozhdestva Khristova. T. 1–9 / tr. P. Strakhov. M.: Universitetskaia tipografiia u Liubiiia, Gariiia i Popova, 1803–1819].
- Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М.: РОССПЭН, 2014 [Bezotosnyi V.M. Rossiia v napoleonovskikh voïnakh 1805–1815 gg. M.: ROSSPEN, 2014].
- Бенкендорф А.Х.* Мое путешествие в земли полуденной волшебные края / пер. М. Сидорова // Наше наследие. 2004. № 72. С. 98–127 [Benkendorf A.Kh. Moe puteshestvie v zemli poludennoi volshebnye kraia / tr. M. Sidorova // Nashe nasledie. 2004. № 72. S. 98–127].
- Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму // Записки Императорского одесского общества истории и древностей. 1910. Т. XXVIII. С. 1–108 [Berthier Delagarde A.L. K istorii khristianstva v Krymu // Zapiski Imperatorskogo odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. 1910. T. XXVIII. S. 1–108].

¹⁰⁰ *Somov V.A.* Pierre-Charles Levesque, protégé de Diderot et historien de la Russie // Cahiers du Monde russe. 2002. Vol. 43. No. 2/3. P. 292–293.

- [Вольней К.-Ф.] Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах. Ч. 1–2 / пер. Н. Марков. М.: Христофор Клаудий, 1791–1793 [Volney C.-F. Puteshestvie Volneia v Siriiu i Egipet, byvshee v 1783, 1784 i 1785 godakh. Ch. 1–2 / tr. N. Markov. M.: Khristofor Klaudii, 1791–1793].
- [Габлиц К.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних времен писателей, с тремя картами. СПб.: Типография Государственной медицинской коллегии, 1803 [Hablitz K. Geograficheskie izvestiia, sluzhashchie k ob"iasneniiu prezhnego sostoiianiia nyneshnei Tavricheskoi gubernii, sobrannye iz raznykh drevnikh vremen pisatelei, s tremia kartami. SPb.: Tipografiia Gosudarstvennoi meditsinskoi kollegii, 1803].
- [Габлиц К.] Изъяснение плана развалин древнего Херсона // Отечественные записки. 1822. № 22: февраль. С. 158–163 [Hablitz K. Iz"iasnenie plana razvalin drevnego Khersona // Otechestvennye zapiski. 1822. № 22: fevral'. S. 158–163].
- Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи / пер. В.Н. Неведомский. М., 2001 [Gibbon E. Istoriia upadka i krusheniia Rimskoi imperii / tr. V. N. Nevedomskii. M., 2001].
- Григорьев С.И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А. В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб.: Государственный мемориальный музей А. В. Суворова, 2015 [Grigor'ev S.I. «...Kafir ves'ma krutogo nrava»: A. V. Suvorov i Krymskoe khanstvo (1771–1779). SPb.: Gosudarstvennyi memorial'nyi muzei A. V. Suvorova, 2015].
- Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Наука, 1959 [Druzhinina E.I. Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg. M.: Nauka, 1959].
- Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М.: Наука, 1970 [Druzhinina E.I. Iuzhnaia Ukraina v 1800–1825 gg. M.: Nauka, 1970].
- Ена В.Г., Ена Ал.В., Ена Ан.В. Открыватели земли Крымской. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007 [Ena V.G., Ena Al.V., Ena An.V. Otkryvateli zemli Krymskoi. Simferopol': Biznes-Inform, 2007].
- История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М.: Международные отношения, 1999 [Istoriia vneshnei politiki Rossii. Pervaia polovina XIX veka (ot vojn protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.). M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999].

- Каррер д'Анкосс Э.* Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. О. Павловская. М.: Олма-Пресс, 2005 [Carrère d'Encausse H. Imperatritsa i abbat. Neizdannaiia literaturnaia duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha / tr. O. Pavlovskaiia. M.: Olma-Press, 2005].
- Клейн Л.[С.]* История антропологических учений. СПб.: СПбГУ, 2017 [Klein L.S. Istoriia antropologicheskikh uchenii. SPb.: SPbGU, 2017].
- Корф М.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796–1817 гг.) // Сборник Русского исторического общества. 1896. Т. 98. С. 9–100 [Korf M. Materialy i cherty k biografii imperatora Nikolaia I i k istorii ego tsarstvovaniia. Rozhdenie i pervye dvadtsat' let zhizni (1796–1817 gg.) // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. 1896. T. 98. S. 9–100].
- Кросби-Арнольд М.* Была ли война 1812 года связана с экономикой? О причинах похода Наполеона на Россию / пер. А.Ю. Терещенко // Французский ежегодник 2013. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 33–60 [Crosbi-Arnold M. Byla li voina 1812 goda sviazana s ekonomikoi? O prichinakh pokhoda Napoleona na Rossiuu / tr. A.Iu. Tereshchenko // Frantsuzskii ezhegodnik 2013. M.: IVI RAN, 2013. S. 33–60].
- Макидонов А.В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011 [Makidonov A.V. Personal'nyi sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka. Zaporozh'e, 2011].
- Маркевич А.И.* Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 49. С. 1–100 [Markevich A.I. Tavricheskaia guberniia v sviazi s epokhoi 1806–1814 godov // Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. 1913. № 49. S. 1–100].
- Маркевич А.И.* Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 1928. С. 375–405 [Markevich A.I. Pereseleniia krymskikh tatar v Turtsiiu v sviazi s dvizheniem naseleniia v Krymu // Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie gumanitarnykh nauk. 1928. S. 375–405].
- Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Прусская Е.А.* «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII – начала XIX в. // Фран-

- цузский ежегодник 2015. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 343–391 [Mitrofanov A.A. Promyslov N.V., Prusskaia E.A. «Russkaia ugroza» vo frantsuzskoi presse kontsa XVIII – nachala XIX v. // Frantsuzskii ezhegodnik 2015. М.: IVI РАН, 2015. S. 343–391].
- Монтескье Ш.Л.* О духе законов / пер. А. В. Матешук. М.: Мысль, 1999 [Montesquie Ch.L. O dukhe zakonov / tr. A. V. Mateshuk. М.: Mysl', 1999].
- Паллас П.С.* Известия о королевстве Тибетском, собранные большею частью от монгольцов, живущих в окружностях Селенгинска // Месяцеслов исторический и географический на 1782 г. СПб.: Императорская академия наук, 1782. С. 105–137 [Pallas P.S. Izvestiia o korolevstve Tibetskom, sobrannye bol'sheiu chast'iu ot mongol'tsov, zhivushchikh v okruzhnostiakh Selenginska // Mesiatseslov istoricheskii i geograficheskii na 1782 g. SPb.: Imperatorskaia akademiia nauk, 1782. S. 105–137].
- Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М.: Наука, 1999 [Pallas P.S. Nabludeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh / tr. A. L. Bert'e-Delagard, S. L. Belivskaia. М.: Nauka, 1999].
- Пейссоннель Ш. де.* Записка о Малой Татарии / пер. В. Лотошникова. Днепрпетровск: Герда, 2009 [Peyssonnel Ch. de. Zapiska o Maloi Tatarii / tr. V. Lotoshnikova. Dnepropetrovsk: Gerda, 2009].
- Полевщикова Е.* Неизвестное и известное о маркизе де Кастельно // Дерибасовская – Ришельевская: одесский альманах. 2005. № 23 [Polevshchikova E. Neizvestnoe i izvestnoe o markize de Kastel'no // Deribasovskaia – Rishel'evskaia: odesskii al'manakh. 2005. № 23].
- Рёйи Ж. де.* Путешествие в Крым и на берега Черного моря в 1829–1830 годах / пер. Г. И. Беднарчик // Литературная газета + Курьер культуры: Крым-Севастополь. № 1 (172). 15 января 2015 г. С. 2; № 2 (173). 29 января 2015 г. № 3 (174). 12 февраля 2015 г. С. 2; № 4 (175). 26 февраля 2015 г. С. 2 [Reuilly J. de. Puteshestvie v Krym i na berega Chernogo moria v 1829–1830 godakh / per. G. I. Bednarchik // Literaturnaia gazeta + Kur'er kul'tury: Krym-Sevastopol'. № 1 (172). 15 ianvaria 2015 g. S. 2; № 2 (173). 29 ianvaria 2015 g. № 3 (174). 12 fevralia 2015 g. S. 2; № 4 (175). 26 fevralia 2015 g. S. 2].

- Ржеуцкий В.С.* Французы на русских дорогах: иммиграционная политика Екатерины II и формирование французских землячеств в России // Европейское просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 238–254 [Rzheutskii V.S. Frantsuzy na russkikh dorogakh: immigratsionnaia poliika Ekateriny II i formirovanie frantsuzskikh zemliachestv v Rossii // Evropeiskoe prosveshchenie i tsivilizatsiia Rossii. M.: Nauka, 2004. S. 238–254].
- Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. А.В. Говорунов. М.: Русский мир, 2006 [Said E.W. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka / tr. A. V. Govorunov. M.: Russkii mir, 2006].
- Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 77: Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / ред. А. Трачевский (Т. 2: 1803–1804). СПб.: М. Стасюлевич, 1891 [Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 77: Diplomaticheknie snosheniia Rossii s Frantsiei v epokhu Napoleona I / red. A. Trachevskii (T. 2: 1803–1804). SPb.: M. Stasiulevich, 1891].
- Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М.: Наука, 1966 [Sirotkin V.G. Duel' dvukh diplomatii. Rossiia i Frantsiia v 1801–1812 gg. M.: Nauka, 1966].
- Сокольников М.* «Исполнено по высочайшему повелению...» / сост., пер. В. А. Яновский. Минск: БГУ, 2003 [Sokolnitski M. «Ispolneno po vysochaishemu poveleniiu...» / comp., tr. V. A. Ianovskii. Minsk: BGU, 2003].
- Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Академия наук СССР, 1962 [Stanislavskaia A.M. Russko-angliiskie otnosheniia i problemy Sredizemnomor'ia (1798–1807). M.: Akademiia Nauk SSSR, 1962].
- Строев А.* «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998 [Stroev A. «Te, kto popravliaet Fortunu». Avantiuristy Prosveshcheniia. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998].
- Строев А.* Россия глазами французов XVII – начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 8–41 [Stroev A. Rossiia glazami frantsuzov XVII – nachala XIX veka // Logos. 1999. № 8. S. 8–41].
- Сытин А.К.* Ботаник Петр Симон Паллас. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014 [Syтин A.K. Botanik Peter Simon Pallas. M.: Tovarishchwestvo nauchnykh izdanii KMK, 2014].

- Тарле Е.В.* Наполеон. М.: Аст; Астрель, 2010 [Tarle E.V. Napoleon. M.: Ast; Astrel', 2010].
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002 [Tunkina I.V. Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.). SPb.: Nauka, 2002].
- Тунманн [И.-Э.]* Крымское ханство / пер. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской. Симферополь: Таврия, 1991 [Thunmann J.-E. Krymskoe khanstvo / per. N. L. Ernsta, S. L. Beliavskoi. Simferopol': Tavriia, 1991].
- Толочко А.[П.]* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Laurus, 2012 [Tolochko A.P. Kievskaiia Rus' i Malorossiiia v XIX veke. Kiev: Laurus, 2012].
- Федорчук А.* Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евроазиатский еврейский ежегодник 5768 (2007/2008). М.: Паллада, 2008. С. 212–227 [Fedorchuk A. Evreiskie nekropoli Kryma: istoriia issledovaniia i sovremennoe sostoianie // Evroaziatskii evreiskii ezhegodnik 5768 (2007/2008). M.: Pallada, 2008. S. 212–227].
- Храпунов Н.И.* Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. XVIII. С. 456–473 [Khrapunov N.I. Krymskii poluostrov после prisoedineniia k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kampenhausen // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. 2013. Vyp. XVIII. S. 456–473].
- Храпунов Н.И.* Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 58–68 [Khrapunov N.I. Alushta как «krymskii rai» v opisaniiax inostrannykh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v. // Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. – Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2014. № 3. S. 58–68].
- Храпунов Н.И.* Как Херсонес стал центром русского православия // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016. Вып. XXI. С. 317–358 [Khrapunov N.I. Kak Khersones stal tsentrom russkogo pravoslaviia // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. 2016. Vyp. XXI. S. 317–358].
- Храпунов Н.И., Гинькут Н.В.* Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по архе-

- ологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Вып. XX. С. 395–430 [Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. Krym v 1784 g. po svidetel'stvu frantsuzskogo puteshestvennika barona de Baert // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. 2015. Vyp. KhKh. S. 395–430].
- Храпунов Н.И., Гинькут Н.В.* Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 157–170 [Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. Matthew Guthrie i ego «puteshestvie» v istoriiu Kryma // Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2015. № 4. S. 157–170].
- Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2е изд. М.: Наука, 2004 [Cherkasov P.P. Ekaterina II i Liudovik XVI. Russko-frantsuzskie otnosheniia, 1774–1792. 2e izd. M.: Nauka, 2004].
- Янницы Ф.* Греческий мир в конце XVIII – начале XX в. по российским источникам (к вопросу об изучении самосознания греков). СПб.: Алетейя, 2005 [Iannitsy F. Grecheskii mir v kontse XVIII – nachale KhKh v. po rossiiskim istochnikam (k voprosu ob izuchenii samosoznaniia grekov). SPb.: Aleteiia, 2005].
- Beauvais de Préau Ch.Th., Barbier A.A.* Biographie universelle classique, ou dictionnaire historique portatif. P. 2: H–R. Paris: Imprimerie de de Cosson, 1829.
- Clarke E.D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817.
- Craven E.* A Journey through the Crimea to Constantinople... London: G. G. J. and J. Robinson, 1789.
- Deguignes [J.]* Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux... T. 1–4. Paris: Desaint & Saillant, 1756–1758.
- Eisner R.* Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993.
- Guthrie M.* A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea... London, 1802.
- Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827.

- Langlès L.* Notice chronologique des khans de Crimée // *Foster G.* Voyage du Bengale à Pétersburg... T. III. Paris: l'Imprimerie de Delance, 1802. P. 327–482.
- Pallas P.S.* Nachrichten von Tybet, aus Erzählungen tangutischer Lamen unter den Selengiskischen Mongolen // *Neue Nordische Beytrage zur physikalischen und geographischen Erd und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie.* Bd. I. Sankt Petersburg; Leipzig: J. Z. Logan, 1781. S. 201–222.
- Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: Gottfried Martini, 1801.
- [*Pallas P.S.*] Description du Tibet, d'après la relation des Lamas Tangoutes, établis parmi les Mongols / tr. d'alemand par J. Reuilly. Paris: Bossange, Masson et Besson, 1808.
- Peyssonnel [Cl.Ch.] de.* Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine. Paris: N. M. Tilliard, 1765.
- Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806.
- Reuilly J.* Travels in the Crimea and along the Shores of the Black Sea, Performed during the Year 1803. London: Richard Phillips, 1807.
- Sestrenczewicz de Bohusz S.* Histoire de la Tauride. T. 1–2. Brunswick: Pierre-François Fauche et Comp., 1800.
- Somov V.A.* Pierre-Charles Levesque, protégé de Diderot et historien de la Russie // *Cahiers du Monde russe.* 2002. Vol. 43. No. 2/3.
- Strabo.* Geographica / ed. A. Meineke. Leipzig: Teubner, 1877.

Nikita I. Khrapunov

JEAN REUILLY'S MISSION TO THE CRIMEA

It is well known that an important element of Napoleon's policy lied in his attempt to return the lost influence in the Eastern Mediterranean and the Black Sea, the traditional zone of France's interest under the Ancien Régime. The Crimea, a Russia's recent appropriation, was viewed as an outpost allowing, on the one hand, to influence the military-political balance in this part of the world, and on the other hand, to plan commercial-economic penetration into the interior provinces of Russia and, farther, to Central Asia. In 1803, young French diplomat Jean Reuilly visited the Crimea to collect there an array of varied data concerning this peninsula, its natural wealth, history, population, and possible economic developments. This vast document, now residing in the archive of the French military office, was later published as a single volume. The French traveller's book, one of the first all-round descriptions of the Crimean Peninsula, almost escaped the scholarship's attention so far. This paper addresses the source in three aspects: international politics, the primary stage of the scientific research of the Crimea, and as an example of the Crimea's image burdened with stereotypes typical of the period.

Keywords: Modern history, France-Russia relations, Jean Reuilly, Crimea, travelogues, historical imagology